

Тот, кто владеет собой, владеет пером.
Будда

Человек способен познавать себя лишь
в исключительных ситуациях.
Карл Ясперс

Ликвидировать зло надо в корне.

Из окошка ванной комнаты на втором этаже крошечного розового домика, который он вот уже три месяца снимал на одной из тихих улиц Сан-Франциско, Джонатан, машинально водя по лицу бритвой, глядел на газон. На несчастной лужайке, совсем пожелтевшей под безжалостными лучами июльского солнца, нахально и настырно пробивался сквозь землю клевер, и лужайка уже готова была капитулировать. Никакой клопиралид¹ не помогал. В начале месяца он разбрызгал по газону целый бидон — и все без толку. Выдрать все ростки один за другим — вот что надо сделать, сказал себе Джонатан, а электробритва тем временем с мерным стрекотом плавно

¹ *Клопиралид* — гербицид, применяемый против сорняков. (Здесь и далее примеч. перев.)

скользила по подбородку. Он очень ревностно следил за тем, чтобы газон у южной стены домика был в порядке: на нем любила играть его дочка Хлоя, когда он дважды в месяц забирал ее на выходные.

Кончив бриться, Джонатан просмотрел сообщения на смартфоне. Запросы и заявки от клиентов, одна рекламация, уведомление о переносе назначенного обеда, месячный бухгалтерский отчет, рекламное предложение от телефонного оператора и несколько электронных бюллетеней.

Он подошел к зеркалу, взял кисточку и флакон с темной жидкостью и принялся осторожно наносить лосьон на первые седые волосинки: в тридцать шесть лет мириться с этими приметами времени было еще слишком рано.

Джонатан торопился привести себя в порядок, чтобы не опоздать на ежедневную встречу в кафе на площади. С тех пор как трое приятелей открыли небольшую страховую компанию, они вот уже пять лет каждое утро собирались на террасе кафе. Среди учредителей была его бывшая жена Анжела, и их недавний разрыв никак не повлиял на этот незыблемый ритуал.

Их компания единственная в городе специализировалась на клиентуре из мелких коммер-

сантов. Поначалу было трудно, но постепенно они сориентировались, прочно встали на ноги, и это позволило им регулярно выплачивать сотрудникам компании и ассистентке пусть и небольшую, но регулярную месячную зарплату. Компании удалось занять свою нишу, и теперь перспективы дальнейшего роста просматривались очень обнадеживающе. Конечно, за это пришлось побороться, и временами на Джонатана накатывало уныние, но он продолжал верить, что все возможно: ведь границы человек ставит себе сам.

Он вышел на крыльцо и подошел к воротам. Воздух еще был пропитан утренним туманом. Садик с северной стороны дома, выходящий на улицу, тоже не отличался ухоженностью: он весь зарос мхом.

В почтовом ящике Джонатана дожидалась корреспонденция. Он распечатал письмо из банка. Ремонт автомобиля влетел ему в копеечку. Это становилось опасным — надо было расплатиться как можно скорее. Второе письмо было от телефонного оператора. Наверняка еще один счет...

— Здравствуйте!

Сосед тоже вынимал почту из ящика и приветствовал его с безмятежным видом человека,

которому жизнь неизменно улыбается. Джонатан ответил ему в том же духе.

Кот мяукнул и потерял о его ноги. Джонатан наклонился и погладил его. Кот принадлежал пожилой даме, обитавшей по соседству в небольшом доме на несколько квартир, и, к огромной радости Хлои, постоянно ошивался в саду у Джонатана.

Кот прошествовал перед ним по улице, потом снова мяукнул перед дверью в дом пожилой дамы и посмотрел на Джонатана. Тот толкнул дверь, и кот ринулся туда, не сводя с него глаз.

— Ты что, хочешь, чтобы я пошел с тобой? Знаешь, я тороплюсь, — сказал Джонатан, вызвав лифт. — Давай заходи быстрее.

Но кот остался возле лестницы и тихонько мяукнул.

— Я понимаю, тебе больше нравится пешком, но у меня нет времени. Заходи...

Но кот прищурился и заупрямился. Джонатан вздохнул:

— Ну это ты уже капризничаешь...

Он взял кота на руки и прошагал с ним на четвертый этаж. Нажав кнопку звонка, он, не дожидаясь, когда откроют, стал спускаться.

— А, явился, забияка! — послышался голос хозяйки.

Джонатан прошел по маленькой улочке между еще сонными домами и свернул направо, на проспект, ведущий к площади, где у него была встреча.

На ум ему пришла манифестация против уничтожения лесов на Амазонке, в которой он участвовал накануне. Собралось несколько сотен людей, и им удалось привлечь к себе внимание местной прессы. Вот это дело.

Проходя мимо витрины спортивного магазина, он покосился на пару кроссовок, которые с некоторых пор словно насмехались над ним. Кроссовки были классные, но цена... Потом ноздри приятно защекотал запах свежей выпечки, растекавшийся из вентиляционных отверстий австрийской кондитерской, явно не без умысла размещенных прямо на фасаде. Он чуть не поддался искушению, но потом ускорил шаг. Слишком много холестерина. Мы каждый день боремся с одолевающими нас желаниями, но побороть желание вкусенького, пожалуй, труднее всего.

На земле то там, то здесь спали, завернувшись в одеяла, бездомные. Уже открылась мексиканская бакалейная лавка, газетный киоск, а чуть дальше — парикмахерская, которую держал пуэрториканец. По дороге Джонатану попались несколько знакомых, спешащих на работу. Пройдет еще час — и это место оживится.

Мишен-Дистрикт¹ — самый старый район в Сан-Франциско. Здесь столько всего намешано: чуть поблекшие викторианские виллы соседствуют с безликими постройками и обветшалыми, замызганными мебелирашками, наполовину пришедшими в негодность. Старинные дома, окрашенные в спокойные тона, стоят рядом со зданиями, сплошь покрытыми кричаще-яркими граффити. Население раздроблено на множество сообществ и диаспор, которые только пересекаются друг с другом, но по-настоящему не общаются. Здесь можно услышать испанскую, греческую, арабскую и даже русскую речь. У каждого свой мир, и никому нет дела до других.

К Джонатану, протянув руку, подошел нищий. Тот слегка помедлил, а потом прошел мимо, отведя от нищего глаза: нельзя же подавать всем подряд.

На террасе кафе уже сидел элегантный человек лет сорока, с обаятельной улыбкой. Это был Майкл, партнер Джонатана по страховой компании. Майкл обычно без умолку болтал, и от него исходила такая энергия, что было непонятно, то ли он подсоединился к батарее высокого напря-

¹ Mission District — колоритный мексиканский квартал Сан-Франциско, известный смешением этнических культур и обилием ярких и масштабных граффити.

жения, то ли вмазался амфетамином. На нем был песочного цвета костюм, белая рубашка и шелковый оранжевый галстук. Стоявшие перед ним большая чашка кофе и кусок морковного торта словно нарочно вторили цветовой гамме костюма. Просторная терраса была достаточно удалена от тротуара, а от шума автомобилей посетителей избавляли кусты, аккуратно высаженные в рядок в деревянных кадках, достойных оранжеви какого-нибудь замка. Ротанговые столики и стулья только усиливали впечатление, что ты находишься не в городе, а где-то далеко, в других краях.

— Ну как делишки? — с неестественным возбуждением спросил Майкл.

Он сейчас очень смахивал на Джима Керри в «Маске».

— А у тебя? — привычно отозвался Джонатан.

Он достал из кармана флакон с антибактериальным лосьоном, капнул несколько капель на ладонь и энергично растер руки. Майкл глядел на него с иронической усмешкой.

— Давай, что будешь заказывать? Торт — просто прелесть!

— Ты нынче завтракаешь тортиками?

— У меня теперь такой режим: сладкое с утра, для затравки, зато потом весь день — ни крошки.

— Ну, торт так торт.

Майкл жестом подозвал официанта и сделал заказ.

Из троих компаньонов Майкл лучше всех владел хитростями ремесла, и Джонатан зачастую им просто восхищался. Майклу на зависть легко удавалось привести клиента в состояние, когда тот делался податлив и сговорчив. Джонатану доводилось вместе с ним торговаться с коммерсантами за выгодную страховку, и у него на глазах разворачивались невероятные сцены, когда Майкл умудрялся переубедить самых упрямых. После долгого изучения торгового дела и тренировок в искусстве продаж Джонатан научился выпутываться из затруднительных положений. Но от него требовалось немалое усилие там, где Майкл играючи, мастерски пускал в ход все свои уловки и убеждал клиентов подписать новый контракт, новый опцион¹, при этом так хитро увеличивая степень страховой защиты, что они, сами того не замечая, часто по нескольку раз оплачивали одни и те же риски... В этом деле, повторял он своим партнерам, главное — чувство и главный советчик — страх. Именно страх появляется в глазах клиентов, едва перед ними замая-

¹ *Опцион* — в коммерции: преимущественное право на покупку или продажу.

чит образ разорения, кражи или судебной тяжбы. Поначалу страх невелик, но коварен и быстро проникает во все закоулки сознания, пока не становится решающим в вопросах выбора. И что такое запрошенная цена годовой страховки в сравнении с возможным стихийным бедствием или судебным процессом, который может затеять разозленный потребитель? Чем мрачнее перспектива, тем менее дорогой кажется страховка...

Джонатан был человеком честным, и все эти уловки вызывали в нем чувство вины. Однако конкуренты поступали точно так же, и, откажись он от такой тактики, ему не поздоровится. В этом бессердечном мире законы таковы, каковы они есть, говорил он себе. Уж лучше играть по правилам и выходить сухим из воды, чем оказаться выброшенным из общества...

— Знаешь, — сказал Майкл, — я в последнее время долго размышлял о твоей ситуации.

— О моей ситуации?

Майкл легонько кивнул. Глаза его засветились сочувствием.

— Чем больше я за вами наблюдаю, тем больше прихожу к выводу, что для тебя настоящий ад — работать бок о бок со своей бывшей.

Застигнутый врасплох, Джонатан молча глядел на компаньона.

— Вы постоянно делаете друг другу больно. Это неразумно.

Джонатан был явно сбит с толку.

— Так не может дальше продолжаться.

Джонатан опустил глаза. Теперь Майкл смотрел на него почти с нежностью.

— Уж лучше опередить события...

Он откусил кусок морковного торта.

— Я много думал, вертел проблему и так и сяк, и вот что: у меня к тебе предложение.

— Предложение?

— Да.

Джонатан молчал.

— Так вот: можешь не давать ответа сразу, у тебя будет время подумать.

Джонатан внимательно на него взглянул.

— Я готов, — сказал Майкл, — поднапрячься и выплатить тебе твою долю, если ты надумаешь уйти.

— Мою долю... в компании?

— Ну да... не кусок же торта.

Джонатан онемел. Он словно получил удар под дых. У него даже в мыслях не было уйти из дела, которое они создали вместе. Он столько сил и души вложил в эту компанию, что она стала для него... частью его самого. Покинуть дело означало лишиться важнейшей части своей жизни. Начать с нуля. Все отстраивать заново...

На экране телевизора, подвешенного к стене в глубине кафе, возникло изображение Остина Фишера, чемпиона по теннису, который набрал кучу спортивных трофеев. После победы на Уимблдоне несколько недель назад он появился на «Флашинг Медоус»¹ в качестве фаворита «US Open».

Джонатан задумчиво следил за сменой кадров на экране. Продать свою долю Майклу для него означало еще и отказаться от тайной мечты переиграть компаньона и добиться лучших продаж.

— Скорее всего, мне придется залезть в долги, — сказал Майкл. — Это тяжело, но так будет лучше для всех нас.

— Всем привет!

За их столик с шумным вздохом уселась Анжела, все своим видом показывая, как она раздражена. При этом на губах ее играла легкая улыбка. Джонатан все ее ужимки знал наперечет.

— Как делишки? — хрюкнул Майкл.

— Твоя дочь сегодня отказалась чистить зубы, — сказала Анжела, мотнув головой в сторону Джонатана. — Я, ясное дело, не сдалась и выдер-

¹ «Флашинг Медоус» — стадион во Флашинг Медоус — Корона-парк в Бруклине, в Нью-Йорке, где расположено много спортивных центров, в том числе и Национальный теннисный центр со стадионом, где проводится открытый чемпионат США по теннису.

жала десятиминутный бой... В результате дверь школы уже оказалась заперта. Ей пришлось звонить привратнику, и он ее отругал. Так ей и надо.

— Американо, как обычно? — спросил Майкл с усмешкой.

— Нет, эспрессо. Двойной, — отозвалась Анжела, снова вздохнув.

Майкл сделал заказ. Анжела бросила на Джонатана взгляд, приправленный ядовитой улыбкой.

— Что-то у тебя больно благостный вид. Этакий безмятежный...

Он не пошевелился. Она провела рукой по светло-каштановым волосам.

— Ты упрекал меня, что я больше времени уделяю домашним цветам, чем дочери, но...

— Никогда я тебя не упрекал, — запротестовал Джонатан, но в его тоне уже чувствовалось, что он сдался.

— Но мои цветы, видишь ли, не катаются по полу и не орут как резаные.

Джонатан подавил улыбку и, не говоря ни слова, допил свой кофе. Они разошлись три месяца назад, но она, как и раньше, продолжала к нему придирааться. И он вдруг почувствовал, что, как ни странно, ему это нравится. Это создавало впечатление, что их отношения продолжаются,

несмотря ни на что. И он вдруг понял одну вещь, в которой ни за что бы себе не признался: в глубине души он надеялся их возродить.

Продать долю Майклу означало бы лишиться этой надежды и разорвать ту ниточку, что связывала его с Анжелой каждый день.

Оставив компаньонов на террасе, он отправился на первую встречу, намеченную на сегодня. Список визитов был длинный. Возможно, придется крутиться допоздна, но завтра выходной, и отдохнуть он успеет.

Он и не догадывался, что всего через пару дней его жизнь резко переменится, как не менялась еще никогда.

Лицо в профиль, чуть перекошенное раздраженной гримасой. Вот он встает, коротко прощается и уходит.

Мощный зум «Никона» с той стороны площади следил за каждым движением Джонатана, пока тот не сошел с террасы. Потом силуэт потерял четкие очертания. Райан остановил съемку, выпрямился и долго смотрел вслед удаляющейся фигуре сквозь прозрачный черный тюль оконных занавесок своей квартиры на третьем этаже.

— Даже не попытался дать отпор, встал и ушел, не сказав ни слова... Это довольно-таки странно, но вполне в его духе. Скажем так... еле-еле десять баллов из двадцати, — пробормотал он себе в бороду.

Он вытер о джинсы вспотевшие руки, а пот со лба промокнул подолом черной тенниски.

Черное не маркое, в черном есть свои преимущества.

Пробежавшись взглядом по террасе, Райан заметил двух весьма элегантных дам. Одна из них была ему знакома, он уже два-три раза снимал ее на видео, но без всякого успеха. Он навел на обеих камеру с вмонтированным микрофоном со сверхточной фокусировкой, и голоса женщин зазвучали удивительно четко. Райан не пожалел, что приобрел микрофон: на расстоянии более восьмидесяти метров голоса женщин звучали так, словно он сидел с ними за одним столиком.

— Да, это правда, — говорила одна из них. — Уверяю тебя. Однако я заранее их заблокировала, месяцев за шесть. И все, конечно же, бронировала: самолет, отель... В общем, все.

— Это действительно нелегко, — отвечала другая, качая головой. — А ты застраховала имущество?

— Конечно! Три года назад меня уже облапошили, и теперь я остерегаюсь.

— На твоём месте я сменила бы место работы. С твоим резюме ты везде сможешь устроиться, а вот мне трудновато...

Еще какое-то время Райан снимал просто так, без всякой цели. Неделю назад он обнаружил, что окна его квартиры с другой стороны здания

выходят на сад какой-то молодой девушки и до этого сада метров девяносто пять. Далековато, конечно, но с двойной фокусировкой вполне достижимо. Было бы что снимать. Квартира Райана была расположена на редкость удачно. Одной стороной дом выходил на площадь, как раз на угол двух улиц: той, что прилегала к террасе кафе, и той, что вела вдоль палисадников частных домов и съемных квартир. В этих садиках зачастую разворачивались очень яркие и смачные семейные сцены. И некоторые из них достигали планки двенадцать из двадцати, то есть уровня, который Райан пометил как годный для размещения в блоге.

Отхлебнув глоток кока-колы, Райан снова окинул взглядом террасу. Там тем временем появилась какая-то незнакомая пожилая пара, и он навел на них камеру.

— Когда я разговариваю с тобой, — говорила женщина, — у меня такое впечатление, что я обращаюсь к восковой фигуре.

Райан зумом приблизил ее супруга. На его неподвижном лице застыло бесконечное огорчение.

— К тому же, — продолжала женщина, — воск плавится на солнце. А на тебя ничего не действует: как был ледышкой, так и остаешься. Скорее

мраморной статуей. Да-да, мраморной статуей, каким-то надгробием. Ты не способен общаться...

При этих словах Райана охватил гнев, и он выключил камеру.

Не способен общаться. Некоммуникабелен. Этот упрек он услышал, едва шагнув в самостоятельную жизнь с дипломом инженера в кармане. И теперь, семь лет спустя, этот упрек опять прозвучал в его мозгу.

Он снова увидел перед собой кадровика, который с самым невинным видом вкрадчиво втолковывал ему какую-то мутную, дурацкую теорию. Послушать его, так *на свете есть много разных форм интеллекта*, хотя уж кому-кому, а ему бы надо об этом помалкивать. *И интеллект рациональный далеко не единственный. Интеллект эмоциональный столь же важен.*

Эмоциональный интеллект... Чего только не выдумают, чтобы успокоить идиотов... Отчего тогда не мышечный интеллект? Не пищеварительный? Не интеллект дефекации?

А дело было в том, что его выставили, потому что он не опускался, как все остальные, до уровня тупой скотины, чтобы с ними разговаривать. А от него именно этого и ждали. В царстве кретинов те, кто говорит на наречии идиотов, короли.

Этот язык надо бы учить в Беркли или Стэнфорде вместо языка си или визуал-бейсика. Впрочем, в политике та же картина: выбирают тех, кто говорит людям чушь, которую те хотят услышать. И чем глупее, тем успешнее.

Чтобы успокоиться и сбросить напряжение, Райан глубоко вздохнул. Ну уж нет, на эту удочку он больше не попадет. Иначе эти идиоты его совсем доконают.

Всякий раз, когда он вспоминал начало собственной карьеры, картинка возникала одна и та же. Перед ним проходили сцены найма на работу, за которыми сразу следовал отказ. Он мучительно пытался понять причину отказа. Ему задавали унижительные, зачастую скандальные вопросы очень личного свойства. *«Какое отношение к делу найма на работу имеют мои хобби? — хотелось ему крикнуть. — Какое ваше собачье дело, живу я один или с кем-то?»* И уж он им отвечал как надо, сразу их отшивал, а прежде всего не позволял вовлечь себя в эти идиотские придуманные обстоятельства, в ролевые игры... Ну и кончалось все такими же идиотскими, смехотворными резюме: *«Обратить внимание на способность общаться... Будут проблемы с работой в группе... Некоммуникабелен»*.

Райан стер последнюю запись.